

Э М М А.

РОМАНЪ
ШВЕЙЦЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Издание Байдаковской.

1871.

KD 45480

ГЛАВА I.

Гроза.

Былъ жаркій лѣтній день; природа изнемогала подъ палящими лучами солнца, и вѣтеръ не освѣжалъ своимъ прохладнымъ дуновеніемъ томительнаго зноя.

На кладбищѣ деревни Альтбахъ, въ двухъ часахъ пути отъ столичнаго города И., на простой могилѣ, осѣненной чернымъ крестомъ, стояла на колѣняхъ Эмма, сестра рабочаго Эмиля Бланкендорфа.

Эммѣ могло быть лѣтъ 20, она была замѣчательно хороша собою: кудрявая головка граціозно покоилась на высокой стройной фигурѣ; глубокая, страстная натура сказывалась въ тонкихъ чертахъ подвижнаго лица, въ большихъ блестящихъ темныхъ глазахъ. На головѣ у нея не было шляпки; но простенькое платье изъ легкой свѣтлой матеріи, какъ нельзя болѣе шло къ ея стройной, полной фигурѣ.

Она стояла на колѣняхъ, на могилѣ давно умершаго отца, обнявъ руками крестъ, украшенный ею вѣнкомъ, и поникнувъ головою. Вокругъ нея царствовала глубокая тишина; она была одна, совершенно одна въ пріютѣ мертвыхъ; сама природа какъ бы замерла въ изнеможеніи.

Горе, страхъ и надежда волновали ея душу; дома, въ городѣ, лежала больная мать. Неужели и ей суждено

послѣдовать за отцомъ, или она еще останется жить для своихъ дѣтей? Эмма горячо молилась; она молила незабвеннаго отца просить у Бога, да минуетъ любимую голову чаша страданій.

Долго стояла она на колѣняхъ, обвивъ крестъ руками, забывшись въ скорбныхъ думахъ и молитвѣ; вдругъ она вспомнила. что пора вернуться домой; бросивъ прощальный взглядъ на могилу, она поднялась съ колѣнъ и пошла. Солнце уже почти садилось; на далекомъ горизонтѣ чернѣли тучи; но Эмма, погруженная въ мысли, не обращала вниманія ни на солнце, ни на тучи. Дорога въ городъ вела черезъ лѣсъ; отъ лѣса до города было съ четверть часа ходьбы. Изъ Альтбаха приходилось идти съ полчаса по тропинкѣ, которая выводила на большую дорогу, шедшую черезъ лѣсъ въ городъ. Эмма вышла съ кладбища и окинула взглядомъ окрестность: знакомыя деревья и холмы привѣтствовали ее какъ старые вѣрные друзья—въ душѣ ея рисовались свѣтлыя картины дѣтства. Вонъ тамъ, подъ этой старой тѣнистой липой, она такъ часто беззаботно рѣзвилась съ подругами: но это уже прошло, прошло на вѣкъ—подруги дѣтства разсѣялись, на всѣ четыре стороны и позабыты.

Погруженная въ эти воспоминанія Эмма быстро шла по тропинкѣ, не обращая вниманія на дорогу. Вдругъ она остановилась передъ каменнымъ изваяніемъ Распятaго. Одинокa стояло оно въ безмолвномъ лѣсу, какъ забытое воспоминаніе о далекомъ прошломъ, изваянное изъ камня свидѣтельство человѣческаго безумія и человѣческой злобы; окровавленную голову искупителя сжималъ терновый вѣнецъ. Набожная скорбь охватила душу Эммы, но только на мгновенье; она вспомнила, что Распятіе находилось все не на той тропинкѣ, по которой ей слѣдовало идти. Она вспомнила, что почти у самой опушки лѣса тро-

шинка раздвигалась; вмѣсто того, чтобы взять на право, она, вѣроятно, взяла на лѣво. Воротиться ли ей назадъ къ тому мѣсту, гдѣ тропинка раздвигалась, или постараться отыскать дорогу въ лѣсу? Солнце стояло очень низко и она рѣшилась на послѣднее, въ надеждѣ обратиться такимъ образомъ скорѣе на настоящую дорогу. Пробираясь наугадъ между деревьевъ и кустовъ, она тщетно надѣялась набрести на знакомую тропинку, примыкавшую къ большой дорогѣ, гдѣ до поздней ночи бывало очень людно и находилось множество кабаковъ и пивныхъ. Напрасно оглядывалась она во всѣ стороны. А, между тѣмъ, она была убѣждена, что шла именно по направленію къ тропинкѣ. Остановившись на минуту, она стала прислушиваться, не долетятъ ли до нея откуда-нибудь звуки человѣческихъ голосовъ, или какіе бы то ни было звуки, но ее окружалъ безмолвный лѣсъ; не слышно было даже шелесту листьевъ; насѣкомыя, изнемогшія отъ палящаго зноя, были, повидимому, погружены въ глубокій сонъ; все было безмолвно, и это безмолвіе, эта неподвижность наводили невольный страхъ. Жутко стало Эммѣ въ лѣсу одной, такъ поздно. Она ускорила шаги. Ей удалось наконецъ выбраться на тропинку, которая привела ее къ большой просѣлкѣ, окруженной вѣковыми дубами. Она вспомнила, что въ дѣтствѣ какъ то была на этомъ мѣстѣ; но это воспоминаніе навело на нее новый страхъ; эта просѣлка лежала далеко отъ тропинки, которая вела къ большой дорогѣ,—очевидно, она совершенно заблудилась. Растерявшись, она остановилась, не зная куда повернуть: вправо или влѣво, куда идти—впередъ или назадъ?

Въ эту минуту поднялся сильный вѣтеръ, предвѣстникъ надвигающейся грозы; съ деревьевъ посыпались листья, сучья закрипѣли. Эмма стояла еще,

растерявшись, на просьбѣ, какъ вдругъ не вдаль, а послышались тяжелые, неровные шаги; она задрожала и оглянулась со страхомъ; никого не было видно, а между тѣмъ шаги положительно приближались и вскорѣ изъ-за скалы, возвышавшейся съ одной стороны просьби показались солдатъ. Онъ шелъ неровными шагами и казалось былъ сильно пьянъ. Въ первую минуту Эмма окаменѣла; затѣмъ, собравшись съ духомъ, она хотѣла скрыться въ чащѣ лѣса. Но было уже поздно; солдатъ увидалъ ее.

— Чортъ возьми, экая красавица! закричалъ онъ. Слушайка, дѣвка, ступай сюда! Эмма пустилась бѣжать, солдатъ погнался за нею; она споткнулась на какой то корень и упала. Солдатъ схватилъ ее, поднялъ и съ дикою страстью сталъ душиить въ своихъ объятіяхъ.

«Оставьте меня, умоляла Эмма. Что вамъ нужно отъ меня? Неужели вы станете злоупотреблять своею силой? Неужели въ васъ нѣтъ ни искры чести!»

Но солдатъ не слушалъ ее—дикая страсть разгоралась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Небо заволокло черными тучами, слышались отдаленные раскаты грома, но въ лѣсу все было тихо—страшно тихо, какъ въ могилѣ. Не смотря на то, повинувшись какому то внутреннему инстинкту, Эмма испустила громкій, отчаянный крикъ о помощи.

«И чего кричишь? грубо сказалъ солдатъ. Не трудись понапрасну, въ лѣсу нѣтъ ни живой души.

Онъ съ новою силою напалъ на дѣвушку; она оборонялась изо всѣхъ силъ.

«И чего ты! убѣждалъ солдатъ. Не убью же я тебя, красавица! Успокойся, не убью, перестань, не то....

— Оставьте меня, умоляла Эмма. Оставьте меня, прошу васъ.

Она упала на колѣни и молила о состраданіи, о пощадѣ.

«Чортъ побери, вскричалъ солдатъ въ ярости и обнажилъ саблю. Уступишь ли ты по добру по здорову, дура, или придется употребить силу?»

При видѣ обнаженной сабли Эмма задрожала; солдатъ отбросилъ саблю, обхватилъ обѣими руками пылавшую отъ гнѣва и стыда дѣвушку и повалилъ ее на землю.

Дождь сталъ накрапывать крупными каплями. Молнія сверкала, громъ раздавался все ближе и ближе.

Эмма боролась съ солдатомъ, въ которомъ разгорѣлась животная страсть; но силы ея упали — усталость, страхъ, волненіе и неровная борьба привели ее въ изнеможеніе, она чувствовала, что силы покидаютъ ее.

Вдругъ раздался шумъ быстро приближавшихся шаговъ; досада и гнѣвъ изобразились на лицѣ солдата, онъ поспѣшилъ поднять саблю; въ сердцѣ Эммы блеснула надежда.

«Что тутъ такое!» раздался громкій голосъ, и молодой графъ Теодоръ Линденваль появился передъ разсвирѣпѣвшимъ солдатомъ.

— Ты зачѣмъ пришелъ, проклятый гуляка? заревѣлъ солдатъ. Убирайся, или я выворочу тебѣ все кутро!

«Попробуй! возразилъ графъ спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ.

— Вотъ тебѣ! закричалъ солдатъ и бросился на графа съ обнаженной саблей.

Графъ быстрымъ и мѣткимъ ударомъ трости вышибъ саблю изъ его рукъ, схватилъ его за поясъ и повалилъ на землю. Эмма вскочила, подняла саблю и подала ее графу. «Вставай,» обратился тотъ къ солдату, принимая саблю. Солдатъ поднялся окровавленный. «Убирайся сейчасъ прочь, мерзавецъ, продолжалъ графъ, замахиваясь на него саблей, или я тебя положу тутъ же на мѣстѣ!»

— Я уйду, отвѣчалъ смущенный солдатъ, только возвратите мнѣ мою саблю, прошу васъ.

«Нѣтъ!

— Меня оштрафуютъ, коли я вернусь безъ сабли.

«Тѣмъ лучше! возразилъ графъ грубо и снова замахнулся на солдата саблей. Тотъ поспѣшилъ убраться прочь.

«Сударыня, сказалъ графъ, обращаясь къ Эммѣ, какъ я радъ что спасъ васъ отъ насилія этого мерзавца.»

— О, благодарю, благодарю васъ, отвѣчала Эмма. Я не могу выразить вамъ какъ я благодарна вамъ за то, что вы такъ мужественно защитили меня. Какъ это было благородно, великодушно съ вашей стороны. Но что вы подумаете обо мнѣ, что я одна въ лѣсу, такъ поздно. Ахъ, увѣряю васъ, я въ этомъ не виновата, я не какая нибудь гулящая.

«Вамъ нечего увѣрять меня въ этомъ, сударыня. Но что же мы станемъ дѣлать? Начинается страшная гроза; уже накрапываетъ дождь....

— Да, сказала Эмма, но можетъ быть намъ удастся еще добратся до большой дороги, тамъ есть домики....

«Добратся до большой дороги? Это невозможно! Мы слишкомъ далеко отъ нея, да, признаться я и не съумѣю добратся до нея напрямикъ лѣсомъ. Но смотрите, вонъ тамъ скала образуетъ что то въ родѣ грота. Пойдемте; здѣсь невозможно оставаться долѣе.

Эмма колебалась.

«Пойдемте же! Вамъ жарко, а дождь идетъ все сильнѣе и сильнѣе.» Графъ подаль ей руку и они отправились въ гротъ, находившійся по другую сторону просѣки шагахъ во ста отъ нихъ.

Занятый расправой съ солдатомъ, графъ не успѣлъ разглядѣть дѣвушку, громкій крикъ которой призвалъ его такъ кстати на помощь. Но, по уходѣ солдата, взоръ его съ восхищеніемъ остановился на стройной фигурѣ

дѣвушки, и въ настоящую минуту, когда онъ велъ ее по лѣсу, вдали отъ всякаго живаго существа, сердце его билось какъ то радостно и тревожно.

Заходившее солнце выглянуло на минуту изъ за тучъ и освѣтило своими лучами мрачное небо; подъ этими золотистыми лучами тучи казались еще мрачнѣе; своеобразное освѣщеніе бросало свой причудливый отблескъ на безмолвную просѣку и возвышавшуюся за нею скалу; цвѣты и трава поднимали свои головки при первыхъ капляхъ живительнаго дождя. Лице дѣвушки, взволнованное и раскраснѣвшееся отъ недавняго испуга, освѣщалось лучами солнца; грудь ее поднималась неровно, черные локоны, перемѣшанные съ травой и листьями, падали на красивое личико; въ темныхъ глазахъ выражалась восторженная признательность и какое то стыдливое замѣшательство. Графъ глядѣлъ на молодую, красивую дѣвушку, съ которою ему приходилось идти наединѣ въ лѣсу, среди дикой величественной природы—и какое то сладостное чувство закрадывалось въ его душу, грудь дышала легче и свободнѣе, сердце жаждало любви.

Онъ не вытерпѣлъ, остановился, схватилъ ее за обѣ руки, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и сказалъ искреннимъ, задушевымъ тономъ:

«Какая вы славная дѣвушка! Какъ я радъ, что встрѣтился съ вами.

Эмма не отняла рукъ, она только опустила глаза и произнесла: Какъ вы добры! Съ вами я чувствую себя совершенно безопасной!

«Еще бы! Пойдемте же!»

И они вошли въ гротъ. На одной сторонѣ его уступъ скалы образовалъ естественную скамейку; они опустились на нее.

Дождь лилъ какъ изъ ведра; молнія ежеминутно освѣ-

щала небо, громъ гремѣлъ непрерывно. Становилось все темнѣе и темнѣе.

«Я не знаю какъ и благодарить случай, который свелъ насъ, началъ снова графъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія прибавилъ: Какъ васъ зовутъ?—Эмма Бланкендорфъ. — «Какіе у васъ чудные глаза Эмма, продолжалъ графъ. Въ эти чудные, глубокіе глаза смотришь, не насмотришься.» И нѣжное пожатіе руки договорило то, чего не сказали слова.—Какая темнота! воскликнула Эмма, отнимая руку, какая страшная погода, а мы одни въ лѣсу, вдали отъ всѣхъ—мнѣ страшно.—«Страшно, Эмма? Но вѣдь я подлѣ васъ? Чего вамъ бояться, когда я васъ охраняю? Я скорѣе умру, чѣмъ дамъ васъ въ обиду!» Онъ страстно обнялъ руками станъ дѣвушки и произнесъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ: «Вы такъ хороши, такъ чудно хороши, и конечно также добры, также благородны. Кто можетъ знать васъ и не боготворить, не любить васъ? Я чувствую что люблю васъ и что вы также должны любить меня.» Онъ привлекъ дѣвушку ближе къ себѣ и нагнулся, чтобы поцѣловать ее.

Эмма вырвалась изъ его рукъ.—И вы также? воскликнула она взволнованнымъ голосомъ, — и вы также злоупотребляете тѣмъ, что я здѣсь одна, въ глухомъ лѣсу ночью, въ грозу! Впрочемъ, продолжала она съ горечью, вы правы. Какого мнѣнія вы можете быть о дѣвушкѣ, которую застали вечеромъ одну въ лѣсу.» И грудь ея тяжело дышала, на глазахъ выступили слезы.

Смущенный графъ молчалъ; онъ чувствовалъ всю тяжесть упрека и былъ недоволенъ собою. Ночь наступила; непроницаемый мракъ окружалъ гротъ; дождь съ шумомъ билъ о скалу, въ лѣсу гудѣлъ вѣтеръ, раздавался трескъ валявшихся деревьевъ.

Но въ самомъ гротѣ было совершенно безопасно; разнужданныя силы природы сокрушались о вѣчную скалу.

«Не сердитесь, Эмма, началъ графъ послѣ непродолжительнаго молчанія. Я не хотѣлъ васъ оскорбить, право же хотѣлъ! мнѣ очень больно, если я васъ оскорбилъ; но такъ трудно совладать съ собою, такъ трудно сохранить спокойствіе и самообладаніе, когда стоишь возлѣ васъ.»

Эмма не могла видѣть своего спутника, но въ воображеніи ея рисовалась его красивая, мужественная фигура и она отвѣчала чуть слышно.

— Я не сержусь; но вы вѣрно говорите это всякой дѣвушкѣ, которая вамъ... съ которой вамъ приходится разговаривать.

«Ошибаетесь, Эмма. Я говорю вамъ то, что подсказываетъ мнѣ сердце, подсказываетъ только для васъ одинѣхъ.

— Я не могу вамъ вѣрить; вы меня совсѣмъ не знаете!

«Я глядѣлъ въ ваши чудные, глубокіе глаза и проникъ до самаго вашего сердца.

Эмма молчала. Въ эту минуту гротъ освѣтила яркая молнія и при блескѣ ея графъ замѣтилъ, что Эмма нагнулась къ нему и глядѣла на него радостнымъ, испытующимъ взглядомъ. При блескѣ молніи она отскочила, краснѣя, какъ будто ее поймали на мѣстѣ преступленія. Графъ также всталъ и подошелъ къ ней; остановившись у входа въ пещеру, они глядѣли въ лѣсъ; освѣщаемыя блескомъ непрерывной молніи деревья представлялись какими то великанами, упиравшимися въ мрачный сводъ неба.

«Какъ прекрасна, какъ величественна эта картина разгнѣванной природы», воскликнулъ графъ.

— Мы какъ будто во власти какихъ то таинственныхъ, неодолимыхъ силъ, сказала Эмма.

Вдругъ просѣлка освѣтилась яркимъ заревомъ, страшный ударъ грома потрясъ до основанія скалу, мол-

нiя ударила въ громадное дерево, которое рухнуло съ страшнымъ трескомъ, у самаго входа въ гротъ. Эмма вскрикнула и упала въ объятiя графа. Онъ поддержалъ ее сильною рукою, нагнулся къ ней и почувствовалъ горячее дуновенiе ея дыханiя. Она дрожа прижималась къ нему, онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятiяхъ и не выдержалъ,—горячiй, долгiй поцѣлуй запечатлѣлся на губахъ Эммы.

Они стояли, прижавшись другъ къ другу, посреди бушующей природы, среди бури и мрака. Но что значитъ буря, что значитъ мракъ, когда на сердцѣ тепло и свѣтло — когда на душѣ легко и весело. Громъ и молнiя, ночь и буря—все было забыто; слышались только жаркiе поцѣлуи, а у ногъ ихъ лежало тысячеклѣтнее дерево, сраженное молнiей.

Накопецъ графъ снова посадилъ свою спутницу на скамейку и удержалъ въ своей рукѣ ея руку. Эта милая рука дрожала и какой то небесной мелодiей звучалъ ему тихiй шепотъ: «Что вы дѣлаете? Что вы сдѣлали со мною?» Буря и дождь начали стихать; раскаты грома слышались рѣже. Эмма тихо плакала.

«Эмма, милая Эмма, говорилъ графъ. Не бойтесь меня! Я слишкомъ васъ люблю, чтобы забыться передъ вами. Но позвольте мнѣ пожимать эту милую руку, играть этими чудными, темными локонами, которые очаровали меня.

— Да, любите меня, воскликнула Эмма рыдая; я все забыла, ночь и бурю, и больную мать даже, когда вы меня обняли—въ вашихъ объятiяхъ....

«Такъ ты меня любишь, милое, доброе дитя? спросилъ графъ съ восторгомъ.

— Ахъ, это такъ скоро случилось, отвѣчала Эмма, я сама не понимаю какъ.

И они сидѣли другъ возлѣ друга, рука объ руку, прижавшись другъ къ другу. Между тѣмъ на небѣ засвѣтились звѣзды.—Дождь пересталъ, замѣтила Эмма; пора домой. Увидавъ разможенное дерево, при выходѣ изъ грота, она вздрогнула, какъ будто сердце ея защемило предчувствіе чего то недобраго; дикій огонь блеснулъ въ ея глазахъ, но только на мгновеніе, какъ молнія, разсѣлавшая небо, и снова взглядъ ея устремился на красиваго, ласковаго спутника.

«Пойдите налѣво! сказалъ графъ. Я часто бывалъ въ этомъ лѣсу и увѣренъ, что мы скоро дойдемъ до какого нибудь знакомаго мнѣ мѣста, откуда и выберемся кратчайшимъ путемъ на большую дорогу.

И они пошли рука объ руку. Долго шли они по лѣсу, не умолкая ни на минуту. Далеко имъ было идти. Но бываетъ пора, когда никакая дорога не кажется слишкомъ далекой, никакое разстояніе слишкомъ длиннымъ, когда мы втайне радуемся той самой безконечной дорогѣ, которую столько разъ проклинали за ея даль! Жалокъ тотъ, кто никогда не испытывалъ такихъ минутъ, кому не приходилось идти рука объ руку съ милымъ, дорогимъ существомъ, послѣ пріятно проведеннаго вечера, по знакомой дорогѣ и досадовать, что эта дорога сегодня, какъ на зло, такъ коротка, такъ скоро приведетъ къ дому!

Наконецъ они вышли на большую дорогу.

— Должно быть уже очень поздно, сказала Эмма, не замѣчая нигдѣ ни огонька. Что подумаетъ мать, что скажетъ братъ, что такъ поздно меня еще нѣтъ дома!

«Ты говорила, что твоя мать больна, Эмма? спросилъ графъ.

— Да, вотъ уже съ недѣлю, но сегодня ей сдѣлалось немного лучше, и такъ какъ мнѣ нужно было сходить въ Альтбахъ, я и завернула на кладбище на могилу отца.

А тамъ, молясь за больную мать, я и опоздала. Не думайте, что я имѣю обыкновеніе ходить въ лѣсу одна, поздно, по глухимъ тропинкамъ....

«Къ чему всё эти оправданія и увѣренія? возразилъ графъ. Вѣдь я сказалъ тебѣ, что боготворю тебя и вѣрю тебѣ безъ всякихъ увѣреній.

— Я не хочу, чтобы вы думали обо мнѣ что нибудь дурное.

«Ни за что на свѣтѣ. Но скажи же пожалуйста, кто ходитъ за твоею матерью, когда тебя нѣтъ дома?

— Братъ, онъ отпросился съ фабрики на нѣсколько дней. Онъ иногда смѣняетъ меня; онъ самъ этого захотѣлъ, хотя и теряетъ на фабрикѣ; но впрочемъ это ничего, онъ получаетъ хорошее жалованье — онъ очень искусный работникъ.

«Ты его любишь?

— Еще бы, я горжусь имъ; вы не можете себѣ представить, какъ онъ добръ и какъ любить меня. Ему будетъ непріятно, прибавила она тише, что сестра его возвращается домой такъ поздно.

«Ты расскажешь ему, что съ тобою случилось?

— Какъ можно? Развѣ я могу все рассказать? замѣтила Эмма. Графъ въ смущеніи промолчалъ. Они вышли изъ лѣсу. Передъ ними разстилалось широкое поле; дулъ легкій вѣтерокъ; безоблачное небо было усыяно звѣздами.

«Посмотри Эмма, сказалъ графъ, какъ все тихо вокругъ насъ, какъ ароматенъ воздухъ; давно ли разнужданныя стихіи вели такую страшную борьбу, а теперь, какъ мирно стелется безмолвная равнина подъ звѣзднымъ небомъ.

— А сколько горя и печали, сколько тоски и страданій освѣщаетъ это мирное звѣздное небо. Сколько сердець обливается кровью въ эту тихую ночь!

«Откуда взялись у тебя такія мрачныя мысли, дитя мое? спросилъ графъ съ участіемъ. Ты такъ молода, такъ хороша. Наслаждайся своею молодостью и не думай о чужихъ страданіяхъ.

— Да, если бы это было возможно, возразила Эмма. Но вѣдь у всякаго свое горе.

«Не поддавайся такимъ мрачнымъ мыслямъ, моя милая Эмма. Бому же и быть счастливымъ, если молодость и красота несчастливы? Скажи мнѣ, вѣдь сердце твое бьется радостіе и быстрѣе, когда я держу тебя въ своихъ объятіяхъ, такъ крѣпко, крѣпко?

И онъ снова прижалъ дѣвушку къ сердцу. Оба блаженствовали, имъ казалось, что они предназначены другъ для друга. Различія, созданныя человѣческою волею и человѣческими законами, разбивались на лонѣ всемогущей природы. Эмма чувствовала на своихъ губахъ горячіе поцѣлуи; раскраснѣвшаяся, счастливая, она отдавалась этимъ поцѣлуямъ,—у нея не хватало силы сопротивляться.

Черезъ часъ они остановились передъ маленькимъ одноэтажнымъ краснымъ домикомъ въ одномъ изъ предмѣстій большого столичнаго города.

«У брата еще огонь въ комнатѣ, сказала Эмма, взглянувъ на окно. Я такъ и думала! Какъ онъ безпокоился обо мнѣ! Только бы мать ничего не замѣтила.

— О, неужели мы уже пришли, сказалъ графъ. Неужели мы должны разстаться!

«Прощайте! произнесла Эмма, протягивая своему спутнику на прощанье руку, еще разъ благодарю васъ за то, что вы спасли меня. Я буду часто думать о васъ, не забывайте и вы меня совсѣмъ!

— Мнѣ забыть тебя, моя Эмма! Никогда, никогда! отвѣчалъ графъ.